

Н. В. Малышева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ «СВЯЗЬ С МИФОЛОГИЧЕСКИМИ ОБРАЗАМИ, ПОВЕРЬЯМИ И ТОТЕМИЗМОМ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию народных названий животных и растений в якутском языке, образованных по признаку «связь с мифологическими образами, поверьями и тотемизмом». В исследовании применяются описательный анализ для выявления связи языка и культуры и основных закономерностей мотивационных признаков номинации объектов живой природы; компонентный анализ, направленный на рассмотрение формально-семантической структуры зоонимов и фитонимов для определения роли их использования. Материал исследования был извлечен путем сплошной выборки из базы данных якутских фитонимов и зоонимов, созданной на протяжении порядка десяти лет в рамках подготовки диссертационной работы на тему «Лексика живой природы в якутском языке: ономастология и этимология». База данных сформирована на основе большого языкового материала из различных источников: толковых и диалектологических словарей, биологических справочников, полевых определителей со справочным материалом, архивных документов, фольклорных и этнографических материалов. Цель данной статьи – показать зависимость номинации, использования и семиотического статуса объектов живой природы от их признаков и свойств. Лексемы, связанные с традиционными верованиями и легендами, обладают яркой маркированностью, раскрывающими особенности культуры и мировоззрения народа саха. В ходе исследования установлено, что в составе сложных фитонимов и зоонимов используются названия мифологических созданий: *абааһы* (демон, злой дух), *танара* (божество), *кут* (душа), *ойуун* (шаман) и др. Образы мифологических существ *абааһы* «демон, злой дух» и *танара* «божество» используются для обозначения отрицательных и положительных свойств растений и признаков животных: *абааһы* «демон, злой дух» у растений выражает ядовитость, у животных – уродство; *танара* «божество» у растений – пользу и красоту, у животных – обожествление и тотемизм; любопытно, что лексема *кут* «душа» (в основном относящееся в этих номинациях к крупному рогатому скоту и крупным диким копытным) используется в номинации жуков и их личинок (у которых наиболее яркой морфологической особенностью являются жвалы – видимо параллель к рогам).

Ключевые слова: якутский язык; зоонимы; фитонимы; связь языка и мышления; мотивационные признаки; легенды; теория номинации; лингвокультурология; стратегия номинации; народные названия

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ «Лексика живой природы (растительный мир) в якутском языке: лингвогеографическое распределение», № 22-78-00221).

Для цитирования: Малышева Н. В. Народные названия животных и растений в якутском языке, образованные по признаку «связь с мифологическими образами, поверьями и тотемизмом». Эпосоведение. 2024, № 1. С. 93–102. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-93-102

© Малышева Н. В., 2024

© Malysheva N. V., 2024

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. ORCID: 0000-0002-6358-4256. e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the International Research Laboratory “Arctic Linguistic Ecology”, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-6358-4256. e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

N. V. Malysheva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Folk names of animals and plants in the Yakut language, educated on the basis of “connection with mythological images, beliefs and totemism”

Abstract. This article is devoted to the study of folk names of animals and plants in the Yakut language, formed on the basis of “connection with mythological images, beliefs and totemism”. The study uses descriptive analysis to identify the connection between language and culture and the main patterns of motivational features of the nomination of wildlife objects; component analysis aimed at considering the formal semantic structure of zoonyms and phytonyms to determine the role of their use. The research material was extracted by continuous sampling from the database of Yakut phytonyms and zoonyms, created over the course of about ten years as part of the preparation of a dissertation on the topic “Vocabulary of wildlife in the Yakut language: onomasiology and etymology”. The database is based on a large amount of linguistic material from various sources: explanatory and dialectal dictionaries, biological books, field definitions with reference material, archival documents, folklore and ethnographic materials. The purpose of this article is to show the dependence of the nomination, use and semiotic status of wildlife objects on their signs and properties. The tokens associated with traditional beliefs and legends have bright markings that reveal the peculiarities of the culture and worldview of the Sakha people. The study found that the names of mythological creatures are used in the composition of complex phytonyms and zoonyms: *abaahy* (demon), *tangara* (deity), *kut* (soul), *oyuun* (shaman), etc. The images of mythological creatures *abaahy* “demon, evil spirit” and *tangara* “deity” are used to denote the negative and positive properties of plants and animal signs: *abaahy* “demon, evil spirit” in plants expresses venom, in animals – ugliness; *tangara* “deity” in plants – benefit and beauty, in animals – deification and totemism; it is curious that the *kut* lexeme “soul” (mainly referring in these nominations to cattle and large wild ungulates) is used in the nomination of beetles and their larvae (in which the mandibles are the most striking morphological feature – apparently a parallel to the horns).

Keywords: Yakut language; zoonyms; phytonyms; connection of language and thinking; motivational signs; legends; nomination theory; linguoculturology; nomination strategy; folk names.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the scientific project of the Russian National Science Foundation “Vocabulary of wildlife (flora) in the Yakut language: linguistic and geographical distribution”, No. 22-78-00221).

For citation: Malysheva N. V. Folk names of animals and plants in the Yakut language, educated on the basis of “connection with mythological images, beliefs and totemism”. *Epic studies*. 2024, no. 1. Pp. 93–102. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-93-102

Введение

Якуты с давних времен сосуществуют с природой в тесной взаимосвязи, почитали и бережно относились к ней. Связь с природой и особое отношение к живой природе подтверждаются разнообразием когнитивных стратегий в номинации растений и животных в якутском языке. Теория номинации, которая представляет собой процесс наименования, берет свое начало с того, что за каждым объектом действительности или явлением закрепляется определенное название [1].

Народная номинация животных в якутском языке представляет собой интересное и перспективное направление с точки зрения отражения в ней связи языка и культуры. Это связано с заключением этнокультурной информации во внутренней форме мотивированных зоонимов. Через призму народных названий животных можно рассмотреть языковую картину мира якутов, их мировоззрение, отношение к окружающей среде, обрядовые практики, традиционную медицину и особый уклад жизни якутов, адаптированный под условия Крайнего Севера. Лексика живой природы является объектом многочисленных исследований, и народные фитонимия

и зоонимия выступают темами многих диссертационных работ. Вместе с тем, лексика живой природы в якутском языке практически не изучалась, а изученность некоторых наименований растений и животных ограничивается лишь отдельными небольшими работами Н. К. Антонова [2], И. Хауэншильд [3], А. Е. Кулаковского [4], И. И. Мордосова [5], А. С. Луковцева [6], И. П. Павловой [7], С. А. Иванова [8] и др. Описание механизмов отражения объективных признаков животных в их названиях и роли этих признаков в формировании семиотического статуса и символического образа в традиционной культуре якутов представляется неразработанным вопросом в якутском языкознании. Изучение якутских зоонимов якутского языка в аспекте их мотивации на данный момент имеет несколько фрагментарный характер. Мотивированность названий различных объектов действительности, в т. ч. названий растений и животных, в большинстве работ обсуждается в рамках анализа общих или других лексических проблем. Практически отсутствуют труды, которые имеют обобщающий и систематизирующий характер. Теоретической основой данного исследования служат труды отечественных и зарубежных ученых по зоонимии и фитонимии, ботанике и зоологии Сибири и Дальнего Востока. Среди работ, посвященных фитонимии, особенно следует отметить труды В. А. Меркуловой (русская флористическая лексика) [9], В. Б. Колосовой (славянская народная ботаника) [10], И. В. Бродского (на материале прибалтийско-финских и коми языков) [11], Л. В. Дмитриевой (на материале тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков) [12], Н. Б. Бургановой (лексика флоры в тюркологии) [13], А. М. Меметова (лексика флоры в тюркологии) [14], Ю. В. Норманской (на материале тюркских и уральских языков) [15], А. Жаримбетова (тюркские фитонимы) [16]; по зоонимии – труды А. М. Щербака (по якутским названиям некоторым диким и домашним животным) [17], В. В. Рассадина [18], Н. К. Антонова (якутские названия рыб, птиц, диких и домашних животных [2]), А. Е. Кулаковского (якутские названия некоторых растений и животных) [4], А. А. Петрова (по оленеводческой лексике) [19], С. А. Иванова (диалектная лексика якутского языка) [8], И. П. Павловой (табуированная лексика и эвфемизмы в якутском языке) [7] и др.

Цель данной статьи – показать зависимость номинации, использования и семиотического статуса объектов живой природы от их признаков и свойств. Материал исследования был извлечен путем сплошной выборки из базы данных якутских фитонимов и зоонимов, созданной на протяжении порядка 10 лет в рамках подготовки диссертационной работы на тему «Лексика живой природы в якутском языке: ономазиология и этимология». Анализу подвергаются лишь некоторые названия объектов живой природы, образованные по признаку «связь с мифологическими образами, поверьями и тотемизмом».

Народные названия растений

Согласно В. Б. Колосовой, «в народной номенклатуре одно растение, обладая несколькими признаками, может иметь множество названий, и наоборот... Список признаков, влияющих на номинацию растений: цвет, размер, форма (растения в целом или отдельных его частей), свойства поверхности, количество, другие внешние признаки, “поведение”, время, пространство, вкус, запах, звук, ядовитость, жгучесть, медицинское применение, магия, использование в быту» [10, с. 124].

Анализируя якутские фитонимы, можно встретить наименования человекоподобных божеств: *танара* (божество), мифологических существ *абааһы* (демон, злой дух) и антропоним *өргүүт* (обрезанный). По Толковому словарю якутского языка, лексема *танара* имеет следующие значения: «1. по религиозным представлениям: верховное существо, создавшее и управляющее миром, бог; 2. икона; 3. день, отмечаемый церковью как религиозный праздник; 4. дух-покровитель, тотем» [20, с. 203–210]. *Абааһы* – «злой дух, причиняющий различные несчастья и смерть; демоническое существо» [21, с. 313, 318]. Злой дух является частым героем эпических произведений якутов. Так, например, в олонхо «Хаан Джаргыстай» («Хаан Дьаргыстай») злой дух описывается следующим образом: *Билигигэ били абааһы / Суордуу хаһыра түстэ,*

/ *Эһэли часкыйа түстэ...* [22, с. 120] досл. 'тот абаасы / громко закричал как ворон, / пронзительно закричал как медведь'¹.

Две разновидности образов, которые являются олицетворениями мифологических персонажей, – добрых духов *айыы* (*танара*) и злых чудовищ *абааһы* – встречаются в названиях растений с положительной и отрицательной оценкой соответственно. Связь растений с мифологией отражена во многих эпических произведениях якутов. Так, например, женщины, которые не могут родить детей, съев ягоду чудесного растения, беременели [23, с. 16].

Танара тынгыраба (букв. 'божество' + 'ноготь-POSS.3SG') – это название астрагала кустарникового, который имеет в своем составе 5 цветков, что равно количеству пальцев на руке человека. Лепестки венчика напоминают ногти по форме и размеру. Поскольку *айыы* (*танара*) в представлении якутов являлись человекообразными существами, логично предположить, что красота и внешний вид астрагала может быть сопоставлены с чем-то божественным. Растение имеет уникальные лекарственные свойства: биологически активные вещества улучшают функциональную активность иммунной системы, активируют общую резистентность организма, способствуют расширению кровеносных сосудов; обладают также седативным, слабительным, отхаркивающим действием, снимают симптомы метеоризма и обострения гиперацидного гастрита [24, с. 21]. Предполагаем, что компонент «бог» в составе названия астрагала является словом-стимулом, указывающим на красоту и медицинское применение растения.

В якутском языке существует еще один красивый цветок – тимьян ползучий (чабрец), в его фитониме присутствуют слова *танара* «божество» и *от* «трава» – *танара ото* (букв. 'божество' + 'трава-POSS.3SG'). Фитоним является калькированным названием из русского народного названия тимьяна ползучего – богородская трава. В русском же языке фитоним образован по двум мотивационным признакам: 1) древние славяне сжигали чабрец на костре, посылая богам прекрасный аромат дыма, что способствовало формированию названия растения; 2) в день Успения Богородицы принято было украшать тимьяном икону Божьей Матери.

Присутствует в фитониме живокости, или дельфиниума, *танара кийиитэ* «живость» и термин родства *кийиит* «невеста» (термин происхождения), и мифологическое существо *танара* «божество». На самом деле живокость является довольно опасным ядовитым растением, но в малых дозах она обладает ранозаживляющим и противовоспалительным действием, а также может использоваться в качестве декоративного садового растения благодаря своим нежным цветкам. В разных странах ее выращивают как декоративное садовое растение, т. к. она имеет красивые и нежные цветы. Цветок имеет прямостоячий стебель, который может достигать высоты в 2 м. Ее красота и грациозность, а также опасность, которая заключается в ядовитых цветах растения, вынуждает человека относиться к растению с особой осторожностью. Существует вероятность, что ярко выраженная позитивная коннотация может быть связана с лечебным действием растения, а живокость интерпретируется как обладающая какой-то особой магической исцеляющей силой. Вот так якутское название растения, которое имеет в себе много образов и символов, показывает восхищение его красотой и чудодейственными свойствами. С использованием данного двусложного фитонима образованы все ботанические названия подвидов растения: *уһун танара кийиитэ* «живокость высокая», *Халыма танаратын кийиитэ* «живокость колымская D. kolymense Khokr.», *Охотскай танаратын кийиитэ* «живокость охотская» D. ochotense Nevski, *бөдөҥ сибэккилээх танара кийиитэ* «живокость крупноцветковая D. grandiflorum var. Виды растений: «Grandiflorum L.», *Шамиссо танаратын кийиитэ* «животворность Жамиссо» D. chamissionis и т. д. Из-за своей красоты, которая тоже имеет в себе яд, живокость не несет такого негативного смысла в значении. А невзрачное сорное растение с небольшими цветками вызывало у древних якутов негативные эмоции.

¹ Перевод примера на русский язык произведен автором статьи

В ходе исследования были зафиксированы следующие фитонимы с компонентом «демон»: *абааһы ситимэ* «дикий хмель, лесной хмель, горный княжик, ветвина, вьюнец» (букв. 'демон, злой дух' + 'бечевка-POSS.3SG'), *абааһы тайаҕа* «дудник, борщевик» (букв. 'демон, злой дух' + 'трость-POSS.3SG'), *абааһы тайаҕа* «желтушник Маршалла» (букв. 'демон, злой дух' + 'трость-POSS.3SG'), *абааһы талаҕа* «бузина красноплодная» (букв. 'демон, злой дух' + 'тальник-POSS.3SG'), *абааһы илимэ* «дикий хмель, лесной хмель, горный княжик, ветвина, вьюнец» (букв. 'демон, злой дух + сеть-POSS.3SG'), *абааһы отоно* «амприк, арктоус альпийский» (букв. 'демон, злой дух + 'ягода-POSS.3SG').

В наименовании дудника и борщевика *абааһы тайаҕа* первый компонент *абааһы* «демон, злой дух», несомненно, имеет негативное значение. Вторая составляющая *тайах* в якутском языке имеет два значения: «лось» и «посох, трость» – это может означать второй компонент *тайах*. Предполагается наличие двух версий наименования данного растения. В первую очередь дудник и борщевик имеют высокие прямостоячие стебли с редкими листьями, которые напоминают рога лося, что, вероятно, и является причиной их названия. Вторая версия происхождения номинации заключается в том, что длинные стебли и оттопыренные листья имеют сходство с посохом или тростью, которую носит уродливый *абааһы*.

В якутском языке есть много слов, которые отражают повседневную жизнь древних якутов, даже ее интимные аспекты. Как пример можно привести название рогоза *өргүүт*, которое переводится как «обрезанный мужчина», т. к. по мере роста семян его рожок приобретает темный коричневый цвет, а к осени его верхняя часть разлетается на мелкие части, напоминая мужской половой орган в форме обрезанной ветки. У якутов до сих пор мало информации о культуре обрезания, которая сложилась в данный момент. По всей видимости, оно не было широко распространено, возможно, его применение было ограничено в отдельных группах (родах, племенах). В целом, интимная лексика в якутском языке довольно скудна из-за того, что она является табуированной. Имена других видов рогоза тоже имеют в основе слово «*өргүүт*»: *тэнигир өргүүт* «рогоз широколистный»; *Лаксман өргүүтэ* «рожек Лаксмана». Само слово «*өргүүт*» является архаизмом, и практически отсутствуют данные, которые бы подтверждали то, что у якутов было распространено обрезание. Наверное, данный термин произошел от предков якутов и указывает на их более южное происхождение, т. к. обрезание практиковалось в целях гигиены у народов, которые проживают в жарком климате. Возможно, по мере переселения в более северные территории предками якутов была утрачена данная практика, однако, понятие хорошо сохранилось в народной фитонимии, ставшей впоследствии ботаническим названием рогоза.

Согласно якутским представлениям, в качестве противников добрых *айыы* выступают злые духи и демоны, которые управляют всем негативным. Поэтому, все слова с лексемой *абааһы* в якутских фитонимах имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Например, при употреблении в пищу желтушника Маршалла, известного также как *абааһы тайаҕа*, у животных наблюдается вздутие живота. Данное предположение подкрепляется следующим наименованием арктоуса – *абааһы отоно* (букв. 'демон, злой дух' + 'ягода-POSS.3SG'). Мифологический образ *абааһы* так же, как и орнитонимы вороны и ворона, в якутской лингвокультуре носят «темный» характер. Действительно, арктоус относится к малосъедобным человеком ягодам из-за своего пресного вкуса, но растение широко применяется травниками-фитотерапевтами, шаманами, отосутами в якутской народной медицине при лечении мочеполовых заболеваний. Таким образом, наименование образовано по признаку несъедобности растения.

В отличие от бузины красноплодной, которая в якутском языке называется *абааһы талаҕа*, что означает «тальник демона, злого духа», она имеет негативное значение из-за своей ядовитости. К примеру бузина у некоторых народов считается объектом черной магии. Она используется в магических ритуалах и является защитником от злых духов, что не может не радовать народ саха. Существует мифологический образ демона, который является духом низшего мира,

который может быть представлен в двух наименованиях дикой хмели/княжика сибирского: *абааһы ситимэ* ('демон, злой дух' + 'бечевка-POSS.3SG') и *абааһы илимэ* ('демон, злой дух' + 'рыболовная сеть-POSS.3SG'). Негативная лексема *абааһы* «демон, злой дух» часто используется в названиях ядовитых растений, и действительно, хмель в свежем виде наиболее ядовит. Именно поэтому перед применением лекарственного растения его предварительно тщательно сушат, тем самым оно теряет свои ядовитые свойства. Сушеный хмель применяется при заболеваниях, связанных с головными болями, гриппом и простудами, диарее и раковых опухолях. Предположение состоит в том, что второй компонент *ситим/илим* является выразителем внешнего вида орешкового плода хмели, который имеет длинные ворсинки, напоминающие сеть.

Народная этимология, как правило, содержит в себе мудрость и опыт многих поколений, что можно увидеть, например, в слове *абааһы үрүмэччитэ* – это слово имеет в себе мифологический компонент демона *абааһы* и название насекомого *үрүмэччи* (бабочка). Семена ржи не являются ядовитыми, но иногда они могут быть заражены паразитирующим грибом под названием спорынья, или маточными рожками *Claviceps purpurea* Tul., которые имеют вид кокона бабочки. На зараженных семенах ржи появляются черные рожки – склероции гриба, в результате чего рожь становится очень опасной и вызывает тяжелые болезни «злой корчи», или «эрготизма».

Так, в качестве универсалий якутских фитонимов, которые имеют как негативную, так и позитивную коннотацию в их семантике, можно отметить номинации, в которых присутствуют компоненты, связанные с вероисповеданием и мифологическим мышлением народа. Так, использование лексемы *абааһы* «демон, злой дух» (*абааһы үрүмэччитэ* букв. 'демон, злой дух' + 'бабочка-POSS.3SG' – рожь, зараженная грибом спорынья, *абааһы отоно* букв. 'демон, злой дух' + 'ягода-POSS.3SG' – ядовитое растение арктоус) в подавляющем большинстве случаев мотивированы ядовитостью растения, а наличие лексемы *тангара* «бог, божество», как правило, подчеркивает красоту растения или лекарственное применение (*тангара кийиитэ* «живо-кость»). Начальные точки для данных номинаций находятся в религии и мировоззрении якутов, которые различают добро и зло, представленное в мифологии их жителей верхним и нижним мирами.

У якутов есть особое отношение к дереву, которое имеет большое сакральное значение. Оно имеет большую хозяйственную ценность как основной строительный материал. В течение продолжительной зимы якуты использовали дрова для отопления жилищ, а также изготавливали из дерева различные предметы обихода и мн. др. Деревья были призваны выполнять роль связующего звена между тремя мирами: верхним, средним и нижним. Именно поэтому они так высоко ценились якутами. Деревья, которые считаются священными, они называют *ытык мас* «священное, почтительное дерево». Также дерево тесно связано с шаманскими практиками: существуют *кэрэх мас* «жертвенное дерево», *кырыыс мас* «дерево проклятий», *хойгуо мас* «дерево с личинами», *орук мас* «дерево прошения детей» и др. В древности якуты считали, что ель – *кырыыс маһа* «дерево проклятья», т. е. использовали ее как дерево проклятий. Например, победивший род ставил вверх корнями большую ель, а верхушку дерева закапывали в землю, что расценивалось как триумф над проигравшим родом.

Народные названия животных

Установлено, что в лексическом фонде якутского языка насчитывается порядка 20 зоонимов, которые имеют в своем составе наименование божества. Например, *абааһы чыычааба* 'вертишейка' (букв. 'злой дух' + 'птичка-POSS.3SG'), *абааһы бырдаба* 'комар' (букв. 'демон, злой дух' + 'комар-POSS.3SG'), *абааһы лыаба* 'бражник' (букв. 'демон, злой дух' + 'бабочка-POSS.3SG'), *абааһы үрүмэччитэ* 'ночная бабочка' (букв. 'демон, злой дух' + 'бабочка-POSS.3SG'), *абааһы үрүмэччитэ* 'летучая мышь' (букв. 'демон, злой дух' + 'бабочка-POSS.3SG'), *абааһы тамыйах* 'теленки-уроды' (букв. 'демон, злой дух' + 'теленки') и др. Названия животных с лексемой *абааһы* «демон, злой дух» имеют негативную коннотацию: *абааһы бырдаба* «карамора» (букв. 'демон,

злой дух' + 'комар -POSS.3SG'), *абааһы лыаба* «бражник сумеречница» (букв. 'демон, злой дух' + 'бабочка-POSS.3SG'). Согласно якутским представлениям, карамора – это комар-долгоножка, который получил свое название из-за своих длинных ног. Возможно, это стало причиной усугубления отношения к караморе. Также они часто воспринимаются людьми как малярийные комары, что может привести к ошибочному восприятию их как опасных насекомых. Поведение и внешний вид сумеречной бабочки бражника, ее окраска в тонах коры дерева и активность в темное время суток обусловили назвать данный вид «бабочкой демона».

Лексема *абааһы* является признаком опасности и непривлекательности: название злого духа *абааһы* в сочетании с названием насекомого (комар), где слово *абааһы* – слово-носитель признака «опасность», название злого духа *абааһы* в сочетании с названием детеныша домашнего животного, где слово *абааһы* – слово-носитель признака «уродливость». Название сказочного чудовища *монус* (букв. медведь), где слово *монус* – слово-носитель признака «опасность для жизни домашних животных и человека». С другой стороны, лексема *абааһы* носитель признака «время активности животного»: название злого духа *абааһы* в сочетании с названием насекомого (бабочка) (о летучей мыши, ночной бабочке, бражнике), где слово *абааһы* – слово-носитель признака «ночной».

Противоположностью лексемы *абааһы* «демон, злой дух», которая имеет в большинстве случаев негативный оттенок значения, зоонимы с лексикой *танара* «бог, божество» обладают положительной оценкой. Благодаря особому виду, привлекательному для взора, бабочку махаон называют *танара кийиитэ* (букв. – 'божество' + 'невестка-POSS.3SG') и *танара лыаба* (букв. – 'божество' + 'бабочка-POSS.3SG'). Также в названиях аполлона обыкновенного присутствует лексема «*танара*»: *ынах танарата* (букв. – 'корова' + 'божество-POSS.3SG') или *танара лыаба* (букв. – 'божество' + 'бабочка-POSS.3SG'). Компонент *танара* «бог, божество» наблюдается в составе наименований дикого северного оленя *танара табата* (букв. – 'божество' + 'олень-POSS.3SG') и *танара кыыла* (букв. – 'божество' + 'зверь-POSS.3SG'). Согласно А. Ф. Анисимову, олень является одним из тотемных животных, считался двойником шамана и представлялся в образе оленя и др. животных [25]. Поклонение и почтение перед оленем среди северных якутов, которые наиболее тесно контактировали с оленеводческими племенами, проживая с ними по соседству на определенных территориях, восходит к древнейшим верованиям таежно-тундровых охотников Восточной Сибири.

Одной из ярких особенностей, которая характерна только для названий насекомых – использование лексемы *кут* в составе сложных зоонимов: *кыыл кута* 'жук-дровосек/усач' (букв. 'зверь' + 'душа-POSS.3SG'), *кыыл кута* 'стрекоза' (букв. 'зверь' + 'душа-POSS.3SG'), *тайах кута* 'жук-дровосек/усач' (букв. 'лось' + 'душа-POSS.3SG'), *ынах кута* 'моль' (букв. 'корова' + 'душа-POSS.3SG'), *ынах кута* 'муравей' (букв. 'корова' + 'душа-POSS.3SG'), *ынах кута хомурдуос* 'божья коровка' (букв. 'корова' + 'душа-POSS.3SG' + 'жук'). Понятие *кут* занимает одно из центральных понятий в якутском мировоззрении. Лексема *кут* употребляется только вместе с названиями животных, т. е. живых существ: *кыыл кута* (букв. 'зверь' + 'душа-POSS.3SG') «волосогрызка», «жук-дровосек», «стрекоза», *ынах кута* (букв. 'корова' + 'душа-POSS.3SG') «маленькое насекомое, моль», *ынах кута хомурдуос* (букв. 'корова' + 'душа-POSS.3SG' + 'жук') «божья коровка», *тайах кута* (букв. 'лось' + 'душа-POSS.3SG' + 'жук') «дровосек, усач». В соответствии с представлениями якутов о душе, «души могли представляться в образе маленьких людей или маленьких насекомых» [21, с. 333]. Данные выводы подтверждают то, что насекомых считали физическим воплощением души.

В составе некоторых зоонимов зафиксирована лексема *ойуун* «шаман»: *хаар ойууна* «летяга» (букв. 'снег' + 'шаман-POSS.3SG'), *ойуун чирип* «разновидность куликов» (букв. 'шаман' + 'кулик'), *уу ойууна* «перевозчик» (букв. 'вода' + 'шаман-POSS.3SG'), *лэкэттэ ойуун* «мохноногий сыч» (букв. 'сыч' + 'шаман'), *хаар ойуун* «полярная сова» (букв. 'снег' + 'шаман'), *хаар ойууна* «полярная сова» (букв. 'снег' + 'шаман-POSS.3SG'), *ойуун чохоного* «большой улит» (букв.

‘шаман’ + ‘улит-POSS.3SG’), *ойуун лыаба* «белянка» (букв. ‘шаман’ + ‘бабочка-POSS.3SG’). Зоонимы с лексемой *ойуун* «шаман» тесно взаимосвязаны с шаманизмом. В системе религиозного мировоззрения якутов шаманизм занимал наиболее заметное место. В XVII в. у якутов существовало профессиональное шаманство. Шаманы были довольно значительной прослойкой общества, они занимались не только лечением больных, но и принимали активное участие в общественной жизни [21]. Обряды шамана были уникальным зрелищем, который впечатлял народ, поэтому, например, «за своеобразный полет над водой и издавание мелодичных звуков в период токования якуты называли кулика уу *ойууна* "водяной шаман"» [26, с. 16]. Аналогично уханье семейства совиных также напоминало звуки, которые издавали шаманы во время камлания.

Заключение

Образы мифических существ *тангара* «божество» и *абааһы* «демон, злой дух» в составе двусложных фитонимов и зоонимов практически во всех случаях употребления сохраняют уже присущую им коннотацию. Это объясняется тем, что именно эти лексемы используются для более эмоционально-окрашенной передачи определенных качеств растений и животных: положительные – красота, связь со «светлыми» духами и, наоборот, негативные качества – ядовитость, пугающий/некрасивый вид, связь с «темными» духами.

Лексемы, связанные с традиционными верованиями и легендами, обладают яркой маркированностью, раскрывающими особенности культуры и мировоззрения народа саха. Разнообразные названия обрядовых деревьев отражают функциональные особенности деревьев, считающихся связующими звеньями между тремя мирами и позволяющими обмениваться разного рода информацией – уважение богам, просьба дать что-то, благословить или проклясть кого-то и т. п. Насекомых считали физическим воплощением души, что выражается в названиях насекомых с лексемой *кут* «душа». Голоса птиц сравниваются со звуками, издающими шаманами во время камлания, данное сравнение легло в основу номинации птиц.

Литература

1. Малышева, Н. В. Мотивационные признаки номинации животных в языке анабарских долган (по материалам Юрюнг-Хаинского диалектного словаря долганского языка) / Н. В. Малышева, В. С. Платонова, А. В. Тимофеева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2022. – № 3. – С. 86–98. – DOI : 10.25587/SVFU.2022.84.99.008.
2. Антонов, Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1971. – 174 с.
3. Hauenschild, I. Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen // Turcologica. – Volume 77. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2008. – 188 p. (На немецком яз.)
4. Кулаковский, А. Е. Научные труды = Научнай үлэлэр. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 483 с.
5. Мордосов, И. И., Мордосова, О. Н. Комментарии к списку рыб Якутии А. Е. Кулаковского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. – 2016. – № 4 (54). – С. 17–28.
6. Луковцев, А. С. Саха тылыгар бултааһын уонна балыктааһын терминологията. – Якутск : [б. и.], 1978. – 214 с. (На якутском яз.)
7. Павлова, И. П. Лексическая система эвфемизмов якутского языка семантика и структура : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Якутск, 1996. – 23 с.
8. Иванов, С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск : Наука, 2017. – 392 с.
9. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – Москва : Наука, 1967. – 260 с.
10. Колосова, В. Б. Номинация растений в славянских языках по признаку их применения в народной медицине // Диалектная лексика. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – С. 124–133.
11. Бродский, И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). – Санкт-Петербург : Наука, Институт лингвистических исследований, 2007. – 210 с.
12. Дмитриева, Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Ленинград, 1979. – С. 135–192.

13. Бурганова, Н. Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Москва, 1976. – С. 125-141.
14. Меметов, А. М. Диалектные различия в названиях деревьев, кустарников и частей растений в крымскотатарском языке // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 6 (11). – С. 1–10.
15. Норманская, Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Том 7. – Москва : Наука, 2006. – С. 387–436.
16. Жаримбетов, А. Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников // Советская тюркология. – Баку : Коммунист, 1974. – № 4. – С. 32–44.
17. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – Москва : Издательство Академии Наук СССР, Институт языкознания, 1961. – С. 82–172.
18. Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – Москва : Наука, 1980. – 115 с.
19. Петров, А. А. Лексика духовной культуры эвенов. – Ленинград : РГПУ им. А. И. Герцена, 1991. – 80 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. X: (Буква Т : т – төһүүлээ) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 575 с.
21. Якуты. Саха / составители : Г. А. Аксянова, Н. А. Алексеев, Е. П. Антонов и др. – Москва : Наука, 2012. – 598 с.
22. Хаан Дьаргыстай : олонхо / хомуйан онордо В. В. Илларионов ; научная редакция Т. В. Илларионова. – Якутск : Алаас, 2016. – 230 с. (На якутском яз.)
23. Решетникова, А. П. Олонхо уонна төрүт култуура: сиэр-туом, ырыа-тойук алтыһыылара. – Якутск : РИО медиа-холдинга, 2016. – 279 с. (На якутском яз.)
24. Сергалиева, М. У., Мажитова, М. В., Самотруева, М. А. Растения рода астрагал: перспективы применения в фармации // Астраханский медицинский журнал. – 2015. – Т. 10. – № 2. – С. 17–31.
25. Анисимов, А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 236 с.
26. Мордосов, И. И., Мордосова, Н. И., Мордосова, О. Н. Комментарии к классу птиц Якутии А. Е. Кулаковского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2019. – № 4 (72). – С. 6–23. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.72.35044.

References

1. Malysheva, N. V. Motivational signs of the nomination of animals in the language of the Anabar Dolgans (based on the materials of the Yuryung-Khayan dialect dictionary Dolgan language) / N. V. Malysheva, V. S. Platonova, A. V. Timofeeva. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2022, no. 3, pp. 86–98. DOI: 10.25587/SVFU.2022.84.99.008. (In Russ.)
2. Antonov, N. K. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1971, 174 p. (In Russ.)
3. Hauenschild, I. Lexicon of Yakut animal names. *Turcologica*. Vol. 77. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2008, 188 p. (In German)
4. Kulakovskii, A. E. Scientific works. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1979, 483 p. (In Russ.)
5. Mordosov, I. I., Mordosova, O. N. Comments on the list of fish of Yakutia by A. E. Kulakovskiy. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2016, no. 4(54), pp. 17–28. (In Russ.)
6. Lukovtsev, A. S. Terminology of hunting and fishing in the Yakut language. Yakutsk, 1978, 214 p. (In Yakut)
7. Pavlova, I. P. Lexical system of euphemisms of the Yakut language, semantics and structure: dissertation thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Yakutsk, 1996, 23 p. (In Russ.)
8. Ivanov, S. A. Lexical features of dialects of the Yakut language. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017, 392 p. (In Russ.)
9. Merkulova, V. A. Essays on Russian folk nomenclature of plants. Moscow, Nauka Publ., 1967, 260 p. (In Russ.)

10. Kolosova, V. B. Nomination of plants in Slavic languages based on their use in folk medicine. *Dialektnaya leksika*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 124–133. (In Russ.)
11. Brodskii, I. V. Names of plants in Finno-Ugric languages (based on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages). Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 210 p. (In Russ.)
12. Dmitrieva, L. V. From the etymology of plant names in Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages. *Issledovaniya v oblasti etimologii altaiskikh yazykov*. Leningrad, 1979, pp. 135–192. (In Russ.)
13. Burganova, N. B. About Tatar folk names of plants. *Voprosy leksikologii i leksikografii tatarskogo yazyka*. Moscow, 1976, pp. 125–141. (In Russ.)
14. Memetov, A. M. Dialect differences in the names of trees, shrubs and plant parts in the Crimean Tatar language. *Scientific Bulletin of Crimea*. 2017, no. 6 (11), pp. 1–10. (In Russ.)
15. Normanskaya, Yu. V. Plant world. Trees and shrubs. Geographical localization of the ancestral homeland of the Turks according to floristic vocabulary. In: Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language is the basis. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to language data. Volume 7. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 387–436. (In Russ.)
16. Zharimbetov, A. Turkisms in Russian names of fruit trees and shrubs. *Sovetskaya tyurkologiya*. Baku, Kommunist Publ., 1974, no. 4, pp. 32–44. (In Russ.)
17. Shcherbak, A. M. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. In: Historical development of the vocabulary of Turkic languages. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., Institut yazykoznaniya, 1961, pp. 82–172. (In Russ.)
18. Rassadin, V. I. Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow, Nauka Publ., 1980, 115 p. (In Russ.)
19. Petrov, A. A. Vocabulary of the spiritual culture of the Evens. Leningrad, A. I. Herzen RSPU, 1991, 80 p. (In Russ.)
20. Explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 10: (Letter T: t – tehuulee). Editor P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 575 p.
21. Yakuts. Sakha. Compilers: G. A. Aksyanova, N. A. Alekseev, E. P. Antonov and al. Moscow, Nauka Publ., 2012, 598 p. (In Russ.)
22. Khaan Dzhargystai: olonkho. Compiler V. V. Illarionov; scientific edition by T. V. Illarionova. Yakutsk, Alaas Publ., 2016, 230 p. (In Yakut)
23. Reshetnikova, A. P. Olonkho and national culture: connection of tradition and songs. Yakutsk, RIO media-kholding Publ., 2016, 279 p. (In Yakut)
24. Sergalieva, M. U., Mazhitova, M. V., Samotruieva, M.A. Plants of the genus *Astragalus*: prospects for use in pharmacy. *Astrakhan Medical Journal*. 2015, V. 10, no. 2, pp. 17–31. (In Rus.)
25. Anisimov, A. F. Evenki religion in historical and genetic studies and problems of the origin of primitive beliefs. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, 236 p. (In Russ.)
26. Mordosov, I. I., Mordosova, N. I., Mordosova, O. N. Comments on the class of birds of Yakutia by A. E. Kulakovsky. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2019, no. 4 (72), pp. 6–23. DOI: 10.25587/SVFU.2019.72.35044. (In Russ.)